Современное народничество и аграрная эволюція.[1])

Въ 1-ой части этого очерка я далъ общій обзоръ—такъ сказать внѣшнюю характеристику той серіи работъ, въ которой воплощаются аграрныя исканія современнаго народничества. Теперь намъ предстоитъ подробнѣе ознакомиться съ проводимыми здѣсь взглядами по основнымъ вопросамъ аграрной эволюціи.

Первый коренной вопросъ, который занимаетъ нашихъ изслѣдователей,—это вопросъ о взаимоотношеніи мелкаго и крупнаго сельскохозяйственнаго предпріятія, въ частности, крупно-капиталистическаго хозяйства съ его „феодальными" или „захватными" разновидностями, и хозяйства мелко-крестьянскаго трудового. Въ работахъ гг. Быховскаго и Суханова мы находимъ теоретическій анализъ этого вопроса, причемъ нѣкоторыя дополненія къ разсужденіямъ перваго изъ нихъ можно найти у г. Огановскаго. Этотъ послѣдній даетъ затѣмъ сравнительный анализъ фактическихъ данныхъ о крестьянскомъ и помѣщичьемъ хозяйствѣ, работа же г-жи Фортунатовой представляетъ собою сводку данныхъ о движеніи землевладѣнія—конечномъ результатѣ борьбы между крупно-владѣльческимъ и мелко-крестьянскимъ хозяйствомъ.

Останавливаться подробно на работѣ г. Быховскаго намъ и въ этой части нашего очерка нѣтъ необходимости. Какъ было выше отмѣчено, эта работа не представляетъ ничего новаго ни въ выводахъ, ни въ аргументаціи. Это добросовѣстная, но лишенная всякой самостоятельности компиляція всего, что когда-либо и кѣмъ-либо говорилось противъ крупно-капиталистическаго и въ пользу мелко-крестьянскаго хозяйства. Съ конечными выводами г. Быховскаго, которые цѣликомъ принимаетъ и К. Р. Качоровскій, мы имѣли случай познакомиться выше. Эти выводы безусловно благопріятны для мелкаго и неблагопріятны для крупнаго хозяйства, даже въ чисто-капиталистической формѣ, не говоря уже о помѣстномъ владѣніи „захватнаго" и феодальнаго типа, которое подъ

[1]) *Окончаніе.* См. *Русская Мысль*, 1911 г., кн. IV.

капиталистическою личиною скрываетъ совсѣмъ не капиталистическую сущность. Если крупно-капиталистическое хозяйство и имѣетъ кое-какія техническія и экономическія преимущества, то эти преимущества могутъ быть усвоены и мелко-крестьянскимъ хозяйствомъ посредствомъ кооперативныхъ организацій или при содѣйствіи общественныхъ коллективныхъ производствъ.

Всецѣло на той же почвѣ стоитъ—поскольку рѣчь идетъ о безсиліи крупно-капиталистической формы предпріятія—и Н. П. Огановскій. Но онъ расходится съ гг. Быховскимъ и Качоровскимъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ установленіи наиболѣе жизнеспособной формы сельскохозяйственнаго предпріятія. Такою максимально-жизнеспособною формой г. Огановскій признаетъ не столько мелкое хозяйство въ усвоенномъ экономическою наукой смыслѣ слова, сколько хозяйство *средняго* размѣра.

Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, его взгляды далеки отъ полной опредѣленности. Въ монографіи, помѣщенной въ сборникѣ „Борьба за землю“ (стр. 163), онъ констатируетъ преимущества „мелкихъ и среднихъ группъ“, и тутъ же вслѣдъ за этимъ говоритъ даже объ однихъ только мелкихъ хозяйствахъ: „въ общемъ итогѣ мелкія хозяйства оказываются трудо-и капитало-интенсивнѣе крупныхъ“, а потому именно они „болѣе способны перейти въ фазисъ интенсивнаго развитія производительности земли“. Въ своей „Закономѣрности“ г. Огановскій констатируетъ, что и въ западно-европейскихъ странахъ „сельскохозяйственное производство, а слѣдовательно и обмѣнъ концентрируются не въ рукахъ крупныхъ, а въ рукахъ среднихъ и мелкихъ хозяйствъ“ (стр. 162). И это понятно: „мелкое и среднее индивидуальныя хозяйства,—говоритъ онъ,—при прочихъ равныхъ условіяхъ будутъ болѣе приспособлены къ интенсивному развитію производительности земли и потому будутъ продолжать вытѣсненіе крупныхъ хозяйствъ съ тѣхъ позицій, которыя они еще сохранили“ (стр. 303—304). Но въ другихъ мѣстахъ г. Огановскій опредѣленно констатируетъ преимущества типа „смѣшаннаго, полутрудового *средняго* хозяйства“ не только передъ крупнымъ, но и передъ мелкимъ, чисто трудовымъ хозяйствомъ. „Сочетаніе наибольшей интенсивности съ наибольшею выгодностью даетъ среднее кооперативное хозяйство“, и даже „идеаломъ будущаго съ технической стороны“ являются именно „небольшія кооперации“, т.-е. кооперативныя предпріятія средняго размѣра, съ полнымъ обобществленіемъ всѣхъ процессовъ производства и съ соединеніемъ для обмѣна въ болѣе крупные союзы (стр. 306—307). Аргументовъ въ пользу преимущественной жизнеспособности и дѣеспособности хозяйствъ средняго размѣра приводится, въ сущности, немного (см. стр. 273, 299, 300), и вопросъ объ особливыхъ преимуществахъ средняго хозяйства приходится отнести къ числу тѣхъ довольно многочисленныхъ вопросовъ, гдѣ г. Огановскій даетъ скорѣе намекъ на рѣ-

шеніе, нежели полную и всестороннюю его аргументацію. Думаю, что въ данномъ случаѣ г. Огановскому будетъ и нелегко аргументировать свое рѣшеніе,—слишкомъ ужъ оно противорѣчитъ какъ всему, что мы знаемъ относительно дѣйствительнаго склада нашихъ земельныхъ отношеній, такъ и апріорнымъ соображеніямъ, заставляющимъ видѣть въ среднемъ хозяйствѣ промежуточную форму, не имѣющую, въ чистомъ видѣ, преимуществъ ни крупнаго, ни мелко-трудового хозяйства, но обладающую свойственными какъ тому, такъ и другому недостатками.

Такъ или иначе—для крупнаго хозяйства теоретическіе выводы г. Огановскаго въ той же мѣрѣ неблагопріятны, какъ и выводы другихъ участниковъ коллективнаго труда „Борьба за землю". И эти теоретическіе выводы находятъ себѣ полное подтвержденіе въ результатахъ статистическихъ изслѣдованій того же г. Огановскаго и г-жи Фортунатовой. Вотъ какимъ образомъ резюмируетъ эти результаты, поскольку рѣчь идетъ объ организаціи сельскаго хозяйства, г. Огановскій на послѣдней страницѣ своей статистической монографіи: „А. Мелкое трудовое хозяйство,—говоритъ онъ,—уже теперь обладаетъ болѣе совершенною группировкой угодій, чѣмъ нетрудовое капиталистическое, т.-е. болѣе интенсивными системами хозяйства, такъ какъ у крестьянъ площадь пашни больше, а площадь лѣса въ нѣсколько разъ меньше, чѣмъ у частныхъ владѣльцевъ. Б. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ, какъ общее правило, системы полеводства болѣе интенсивны, такъ какъ, во-первыхъ, въ пашнѣ у крестьянъ относительно меньше площади пара и залежи; во-вторыхъ, въ крестьянскихъ посѣвахъ тѣ виды полевыхъ культуръ, которыя требуютъ усиленныхъ затратъ труда... пріобрѣли большее значеніе, чѣмъ въ посѣвахъ владѣльческихъ. В. Примѣненіе удобренія и травосѣянія хотя и запоздало у крестьянъ сравнительно съ помѣщиками, благодаря бѣдности и невѣжеству крестьянской массы, но, разъ начавшись, развивается очень быстро,—быстрѣе, чѣмъ у частныхъ владѣльцевъ. Г. Интенсификація требуетъ увеличенія затратъ труда и капитала на одну и ту же площадь,—мелкое хозяйство и трудо-и капитало-интенсивнѣе крупнаго. Наконецъ Д. Урожайность у крестьянъ хотя и ниже въ настоящій моментъ, чѣмъ у частныхъ владѣльцевъ, но повышается съ каждымъ десятилѣтіемъ, причемъ это повышеніе идетъ въ возрастающей прогрессіи, чего у частныхъ владѣльцевъ не наблюдается" (стр. 169).

Мнѣ думается, что въ такой абсолютной формѣ заключенія г. Огановскаго рѣшительно непріемлемы. Заключенія эти совершенно игнорируютъ существованіе *различныхъ типовъ* помѣстнаго владѣнія и владѣльческаго хозяйства. Г. Огановскому извѣстны факты, свидѣтельствующіе о томъ, что не все сплошь владѣльческое хозяйство носитъ „феодальный", „крѣпостническій", кабальный характеръ. Но въ его глазахъ все то, что не

подходитъ подъ его отрицательную характеристику,—это не болѣе какъ единичныя, „болѣе или менѣе выдающіяся“ хозяйства, съ которыми при общей оцѣнкѣ владѣльческаго хозяйства можно вовсе не считаться. Едва ли однако такой взглядъ правиленъ: вѣдь такихъ „выдающихся“ хозяйствъ, всетаки, тысячи, занятая ими площадь измѣряется милліонами десятинъ, и въ нѣкоторыхъ районахъ (напр., юго-западномъ) они составляютъ скорѣе правило, нежели рѣдкое исключеніе. Это—не единичные исключительные случаи, какіе, въ самомъ дѣлѣ, можно было бы игнорировать, а самостоятельный хозяйственный типъ, существенно отличающійся отъ заурядныхъ феодальныхъ и кабальныхъ хозяйствъ и потому заслуживающій со стороны изслѣдователя большаго вниманія, нежели какое ему удѣляетъ г. Огановскій. Можетъ быть, и это типъ не жизнеспособный,—но это во всякомъ случаѣ требовалось бы доказать, и этого нельзя доказать путемъ простого подведенія хозяйствъ даннаго типа подъ общій „феодально-крѣпостническій“ шаблонъ [1]). Но и независимо отъ сказаннаго, въ заключеніяхъ г. Огановскаго и въ ихъ обоснованіи можно усмотрѣть немалые дефекты. Такъ, большая интенсивность системъ хозяйства и полеводства у крестьянъ доказывается бо́льшимъ у послѣднихъ процентомъ пахотной земли и меньшимъ процентомъ пара и залежи; но неужели общеизвѣстный фактъ чрезмѣрной распаханности крестьянскихъ надѣльныхъ земель долженъ почитаться за *преимущество* крестьянскаго хозяйства, а сохраненіе во владѣльческихъ имѣніяхъ извѣстной части кормовыхъ угодій и лѣса должно быть поставлено въ *минусъ* владѣльческому? Неужели меньшій процентъ залежи и пара, какой наблюдается при пестропольѣ, даетъ крестьянскому хозяйству преимущества передъ владѣльческимъ, гдѣ имѣютъ возможность до поры до времени выдерживать болѣе правильное залежное хозяйство? Пора бы уже прійти къ убѣжденію, что такого рода чисто ариѳметическая характеристика системъ хозяйства и полеводства совершенно безсодержательна,—что процентъ пара или залежи лишь тогда способенъ качественно характеризовать извѣстную организацію сельскаго хозяйства, когда этотъ признакъ сопоставленъ съ рядомъ другихъ признаковъ (плодосмѣнъ, способы возстановленія производительности земли, относительное значеніе земледѣлія и скотоводства), дающихъ ея ближайшую качественную характеристику. Иначе, въ самомъ дѣлѣ, придется признать (какъ, впрочемъ, и готовы признать нѣкоторые), что хозяйство въ Прибалтійскомъ краѣ

---

[1]) Во 2-мъ томѣ г. Огановскій весьма существеннымъ образомъ ограничиваетъ разсматриваемое положеніе: для Россіи—говоритъ онъ—„переживающей кризисъ экстенсивнаго 3-полья“, о большей производительности мелкаго хозяйства говорить не приходится. „Здѣсь, какъ часто бываетъ при ломкѣ старой системы земледѣлія, нѣкоторыя крупныя хозяйства даже идутъ во главѣ реформы сельскохозяйственнаго производства“ (II, 608—609).

по своей интенсивности стоитъ ниже хозяйства въ заволжскихъ степяхъ!... И вѣдь не кто иной, какъ самъ г. Огановскій, констатируетъ, что крестьянство, „идя по пути экстенсивнаго расширенія запашки, отвело подъ зерновыя культуры такое большое количество пашни, что это вызвало истощеніе почвы и необходимость сократить посѣвы". Неужели *такъ* проявляется большая интенсивность хозяйства и полеводства?... Не могу затѣмъ не отмѣтить нѣкоторой примитивности той части процитированныхъ выше заключеній г. Огановскаго, которая касается распространенія травосѣянія и удобренія: то и другое у крестьянъ развивается „очень быстро, быстрѣе, чѣмъ во владѣльческихъ хозяйствахъ". Травосѣяніе не такъ давно у крестьянъ не существовало вовсе; теперешнее крестьянское травосѣяніе представляется весьма быстро растущимъ,—но вѣдь исходнымъ пунктомъ для сравненія является величина весьма близкая къ нулю; у крестьянъ площадь подъ травами возросла за десятилѣтіе вшестеро, у владѣльцевъ—всего только въ полтора раза, но это нисколько не мѣшаетъ тому, что у крестьянъ въ концѣ десятилѣтія подъ травами было занято 491 тыс., въ помѣщичьихъ хозяйствахъ 760 тыс. десятинъ; и это—при во много разъ меньшей площади собственной владѣльческой запашки. Еще хуже съ урожаями. Крестьяне,—утверждаетъ г. Огановскій,—и въ этомъ отношеніи „догоняютъ нашихъ носителей высшей культуры" (стр. 165). Между тѣмъ тутъ же, на той же страницѣ, приводятся среднія по десятилѣтіямъ цифры урожайности у крестьянъ и у владѣльцевъ; превышеніе владѣльческихъ урожаевъ по этимъ цифрамъ оказывается въ первое десятилѣтіе 4 пуда на десятину, во второе—6, въ слѣдующія два десятилѣтія—уже 8 пудовъ на десятину. Неужели *это* называется „догонять?"...

Смѣю увѣрить г. Огановскаго: я самъ не менѣе, нежели онъ, вѣрю въ *будущій* прогрессъ крестьянскаго трудового хозяйства. Но этотъ прогрессъ надо *завоевать*—завоевать дружными усиліями самой крестьянской массы, интеллигенціи и государственно-общественныхъ организацій. Завоевать—значитъ побѣдить. А чтобы побѣдить, надо прежде всего *точно знать* и свои силы, и силы своего врага, какимъ въ данномъ случаѣ является наша культурно-хозяйственная инерція; убаюкивать же себя вѣрою въ то, что у насъ и такъ все идетъ къ благополучному исходу,—это все равно, что итти на войну съ лозунгомъ: шашками закидаемъ...

Какъ бы то ни было—не подлежитъ сомнѣнію, что владѣльческія хозяйства того игнорируемаго г. Огановскимъ типа, которому я лично склоненъ придавать серьезное культурно-хозяйственное значеніе, обнимаютъ ничтожную часть общей площади владѣльческихъ земель—милліоны десятинъ противъ десятковъ милліоновъ десятинъ „крѣпостническаго" или „феодальнаго" землевладѣнія и кабально-арендаторскаго или

отработочнаго хозяйства. По отношенію къ этому громадному большинству г. Огановскій, конечно, правъ, когда высказываетъ убѣжденіе, что „крупное помѣщичье хозяйство фактически почти уже ликвидировалось“,—что „формальная мобилизація земли только юридически заканчиваетъ и закрѣпляетъ переходъ сельскохозяйственной территоріи въ руки трудового земледѣльческаго населенія“ (стр. 117). На этомъ процессѣ — процессѣ ликвидаціи собственно дворянскаго землевладѣнія, намъ нѣтъ необходимости останавливаться—это достаточно общеизвѣстный фактъ. Одно только стоитъ, можетъ быть, отмѣтить, что участники занимающаго насъ коллективнаго труда, подъ живымъ впечатлѣніемъ событій 1906—1907 гг., слишкомъ уже рѣшительно предсказывали скорое окончательное исчезновеніе дворянскаго землевладѣнія: „Если дѣло,—говорятъ они,—будетъ итти и впредь тѣмъ же темпомъ, то черезъ 5—6 лѣтъ въ Россіи исчезнутъ послѣдніе остатки исторически сложившагося захватнаго землевладѣнія“ (стр. 264). *На это* что-то не похоже...

Но ликвидація *дворянскаго* землевладѣнія—это еще далеко не синонимъ перехода земли въ руки трудового *крестьянства*. Преемникомъ дворянскаго является не только трудовое крестьянское, но также и чисто капиталистическое, по своему происхожденію буржуазное, „купеческое“ землевладѣніе. Однако, и „купеческое“ землевладѣніе оказалось неопаснымъ конкурентомъ трудовому крестьянству. „Купеческія“ покупки съ теченіемъ времени не растутъ, а скорѣе сокращаются, въ особенности, если брать не абсолютныя цифры, а переходящую въ руки буржуазіи долю поступающей на рынокъ земли: въ 1863—74 гг.—26%, въ 1875—86 гг.—22%, въ 1887—98 гг.—уже только 18,9%. „Купеческія“ продажи съ неуклонною правильностью растутъ—въ 1863—1868 гг. въ среднемъ въ годъ по 66 тыс., въ 1881—1886 гг.—366 т., въ 1893—98 гг.—533 т. десятинъ. Завоеваніе земли купеческимъ капиталомъ выражалось до начала 80-хъ годовъ въ 450 т. дес. въ годъ, въ 93—98 гг. уже всего только въ цифрѣ 100 т. дес. въ годъ; если же взять отдѣльно 1897—1898 гг., то за эти два послѣднихъ года „купеческое“ землевладѣніе даетъ даже абсолютное сокращеніе (стр. 269—272). А сопоставленіе этихъ данныхъ съ данными о порайонномъ распредѣленіи „купеческихъ“ покупокъ и продажъ приводитъ къ заключенію, что „купеческій крупный капиталъ беретъ землю только тамъ и тогда, гдѣ и когда она дешева, чтобы сбыть ее, когда она подорожаетъ“; что „купеческій“ капиталъ только „спекулировалъ всѣми средствами надъ всѣми видами земельной ренты, столь быстро растущей въ Россіи, благодаря быстрому росту ея населенія“ (стр. 275—277). Самый характеръ хозяйства въ купеческихъ имѣніяхъ тоже не позволяетъ видѣть въ нихъ зачатковъ будущаго русскаго крупнаго, капиталисти-

чески организованнаго сельскаго хозяйства. „Дворяне,—говоритъ г. Сухановъ, опираясь, главнымъ образомъ, на данныя П. А. Вихляева,—хозяйничаютъ очень плохо“, но „купеческое“ хозяйство еще несравненно хуже: оно еще бо́льшую часть земли используетъ путемъ простой сдачи въ аренду, и даже на той незначительной части земли, которая остается несданною, ведетъ хозяйство болѣе первобытными способами, съ меньшимъ и худшимъ собственнымъ инвентаремъ и съ еще болѣе широкимъ пользованіемъ крестьянскими отработками и другими видами кабальнаго труда (*Сухановъ*, стр. 327—328).

Какъ видно, отчасти, изъ только что сказаннаго, г. Сухановъ не менѣе отрицательно относится къ крупно-капиталистическому хозяйству, нежели сотрудники коллективнаго труда „Борьба за землю“. Онъ безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій говоритъ, между прочимъ, объ упадкѣ капиталистическаго хозяйства въ Англіи, дословно повторяя то, что говорилось и писалось въ этомъ направленіи въ эпоху жестокаго кризиса конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ и совершенно игнорируя тѣ новѣйшія данныя, которыя позволяютъ думать, что англійское сельское хозяйство благополучно пережило кризисъ и находится въ настоящее время уже въ фазисѣ не упадка, а дальнѣйшаго улучшенія и усовершенствованія. Все это не дѣлаетъ, однако, г. Суханова сторонникомъ мелкаго хозяйства въ смыслѣ Давида, Булгакова и Качоровскаго. Въ этомъ вопросѣ г. Сухановъ стремится занять совершенно самостоятельную позицію. Онъ хватаетъ быка за рога, хочетъ вырвать у марксистовъ и использовать въ своей игрѣ ихъ сильнѣйшій козырь. Да, крупно-капиталистическое хозяйство доказало свою несостоятельность. Но развѣ несостоятельность крупно-*капиталистическаго* хозяйства—все равно что несостоятельность, вообще, *крупнаго* хозяйства, и развѣ она даетъ право заключать о преимуществахъ мелкаго сельскохозяйственнаго предпріятія? Нисколько. „Понятія крупнаго и капиталистическаго хозяйства, такъ же какъ и понятія мелкаго и некапиталистическаго, совершенно несоизмѣримы между собой, лежатъ въ различныхъ плоскостяхъ и принципіально не имѣютъ между собой ничего общаго“ (*Сухановъ*, стр. 18—19). Крупное и мелкое хозяйство—не соціальныя, а технико-экономическія категоріи. А оцѣнивать технико-экономическія формы мы должны, „совершенно отвлекаясь отъ какихъ бы то ни было современныхъ условій“; „оцѣнивать относительное совершенство крупнаго и мелкаго земледѣлія мы можемъ только съ точки зрѣнія нашего идеала, только отвлекаясь отъ всѣхъ современныхъ конкретныхъ условій, только изолируя вліяніе размѣровъ производства“ (стр. 20)—въ частности изолируя его отъ вліянія капиталистической или иной организаціи. Смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ категорій—это, по мнѣнію г. Суханова, главнѣйшій источникъ путаницы, царящей въ вопросѣ о формахъ аграрной эволюціи:

„съ одной стороны, болѣе *устойчивое* хозяйство мыслится только, какъ хозяйство болѣе *совершенное*, а болѣе совершенное—только какъ болѣе приспособленное къ мѣстнымъ условіямъ, съ другой же—*крупное* хозяйство мыслится не иначе, какъ *капиталистическое*“ (стр. 18). Конечно, „въ идеально-хозяйственномъ строѣ восторжествуетъ непремѣнно болѣе совершенная технико-экономическая форма производства; но поскольку она сплетается съ опредѣленною соціальною формой, постольку она въ современномъ общественномъ строѣ можетъ быть обречена на исчезновеніе“. Крупное хозяйство *въ его капиталистической формѣ* въ упадкѣ, но это отнюдь не доказываетъ несостоятельности, вообще, крупнаго хозяйства; мелко-крестьянское хозяйство проявляетъ большую устойчивость, но этимъ отнюдь не предрѣшается вопросъ о преимуществахъ мелкаго хозяйства, какъ такового. Живучесть мелкаго крестьянскаго хозяйства въ современномъ общественномъ строѣ коренится исключительно въ условіяхъ капиталистическаго строя, заставляющихъ капиталъ избѣгать помѣщенія въ сельское хозяйство и стремиться къ помѣщенію въ индустріи и торговлѣ, а съ другой стороны, вызывающихъ бѣгство рабочихъ рукъ изъ земледѣлія и создающихъ специфическій „вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“. Отсюда два совершенно различныхъ вопроса: одинъ объ абсолютно совершенной формѣ производства; другой вопросъ о томъ, можетъ ли эта форма быть достигнута въ путяхъ капиталистической эволюціи. При разрѣшеніи перваго, основного вопроса надлежитъ изслѣдовать вліяніе размѣровъ производства въ его чистомъ видѣ,—„всѣ остальные элементы и признаки хозяйства надо принимать за равные“; въ частности, „не можетъ имѣть значенія ни разница въ естественныхъ условіяхъ, ни разница въ количествѣ и качествѣ капитала, средствъ производства, ни разница въ познаніяхъ и другихъ свойствахъ хозяйствующихъ субъектовъ, ни разница въ чемъ бы то ни было, кромѣ размѣровъ хозяйства“ (стр. 26). Думается мнѣ, что г. Сухановъ заходитъ уже слишкомъ далеко въ своемъ „изолирующемъ“ методѣ—вѣдь нельзя въ концѣ-концовъ свести всего вопроса къ простой геометрической или ариѳметической задачѣ. Едва ли правъ г. Сухановъ и тогда, когда устанавливаетъ критерій для сравненія: критерій этотъ—исключительно „полученіе бо́льшаго продукта на единицу труда, и торжество въ будущемъ строѣ той или иной формы хозяйства можетъ обусловливаться только этимъ и ничѣмъ инымъ“ (стр. 31). Въ вопросахъ организаціи сельскаго хозяйства, какъ правильно утверждаютъ К. Р. Качоровскій и его послѣдователи, въ самомъ дѣлѣ приходится считаться не съ одною только производительностью *труда*, но сверхъ того, и пожалуй даже прежде всего, съ производительностью *земли*.

Какъ бы то ни было, г. Сухановъ разсматриваетъ вопросъ о круп-

номъ и мелкомъ хозяйствѣ въ совершенно абстрактномъ видѣ, и такой абстрактный анализъ приводитъ его къ заключеніямъ, безусловно благопріятнымъ для *крупнаго* производства. Поскольку рѣчь идетъ, прежде всего, о той своеобразной роли, которую играетъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ природа,—всѣ преимущества въ смыслѣ противодѣйствія вреднымъ и использованія полезныхъ ея вліяній „явно находятся на сторонѣ коллективно-крупнаго хозяйства, которое можетъ въ бо́льшей степени использовать выгоды раздѣленія труда, сконцентрировать въ мѣру надобности много рабочихъ силъ и т. д.“ (стр. 39). Спеціализація и сложное сотрудничество — въ противность господствующему взгляду—играютъ и въ сельскомъ хозяйствѣ важную роль, хотя и меньшую, чѣмъ въ индустріи, но очевидно, что они „не могутъ быть сколько-нибудь послѣдовательно проведены въ единолично-мелкомъ хозяйствѣ“ (стр. 45—46). О непримѣнимости машинъ можно говорить только въ современныхъ условіяхъ, и „эта непримѣнимость свидѣтельствуетъ гораздо больше объ ограниченной возможности развитія производительныхъ силъ въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ объ ограниченной роли, которую вообще можетъ играть машина въ земледѣліи“ (стр. 49),—все то, что говорится о непримѣнимости машинъ, хотя бы того же парового плуга, свидѣтельствуетъ лишь о невыгодности ихъ примѣненія *для капиталиста* (стр. 51—53); если же отвлечься отъ этого рода соображеній, то достигнутыя и еще имѣющія быть достигнутыми завоеванія техники „обусловливаютъ болѣе или менѣе значительныя—смотря по роду машины—технико-экономическія преимущества коллективно-крупнаго земледѣлія“ (стр. 57). Если въ концѣ-концовъ „капиталъ не проникаетъ въ сельскохозяйственное производство, то *не вслѣдствіе того,* что крупное земледѣліе не имѣетъ технико-экономическихъ преимуществъ передъ единолично-мелкимъ, *а несмотря на то,* что развитіе производительныхъ силъ требуетъ концентраціи производства и въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ и въ индустріи“ (стр. 63). Остаются такія обстоятельства, какъ качественные недостатки труда, примѣняемаго въ крупномъ хозяйствѣ, какъ вообще затрудненія, создаваемыя для послѣдняго „вопросомъ о рабочихъ“, но это все, уже совершенно очевидно, вытекаетъ исключительно изъ соціальной организаціи современнаго крупнаго сельскохозяйственнаго предпріятія. И въ конечномъ результатѣ г. Сухановъ считаетъ „вопросъ о болѣе выгодной формѣ земледѣлія, съ точки зрѣнія производительности труда, безспорно и безусловно рѣшеннымъ въ пользу коллективно-крупнаго хозяйства“ (стр. 84), которое и должно быть положено въ основу сельскохозяйственной организаціи въ будущемъ, идеальномъ строѣ (стр. 85, 407).

Я не буду входить здѣсь въ детальный анализъ аргументаціи г. Суханова, какъ раньше не входилъ въ разборъ аргументовъ сторонниковъ

мелкаго хозяйства. Думаю, что обѣимъ сторонамъ въ данномъ случаѣ далеко до научной объективности, что каждая изъ нихъ не столько слѣдуетъ за фактами и логикой, сколько подводитъ и факты, и логику подъ заранѣе заданное рѣшеніе вопроса. Приведу только одинъ примѣръ. Въ крупныхъ предпріятіяхъ на единицу хозяйственной территоріи приходится меньше рабочей силы, меньше скота, меньше инвентаря, нежели въ мелкихъ. Фактами этого рода оперируютъ и наши сторонники мелкаго, и наши защитники абстрактно-крупнаго хозяйства, но оперируютъ въ діаметрально противоположномъ смыслѣ: въ крупномъ хозяйствѣ, разсуждаетъ г. Огановскій, на единицу территоріи всего этого меньше, *значитъ* крупное хозяйство экстенсивнѣе мелкаго, и земля въ крупномъ хозяйствѣ обрабатывается хуже (Закон., стр. 57, 75 и друг.). Въ крупномъ хозяйствѣ, разсуждаетъ г. Сухановъ, всего этого на единицу территоріи меньше, *значитъ* крупное хозяйство лучше используетъ и рабочую силу, и капиталъ (*Сух.*, стр. 58). Которая изъ двухъ сторонъ права? Въ абсолютной формѣ ни та, ни другая; но, пожалуй, ближе къ истинѣ всетаки г. Сухановъ, потому что разсужденіе его противниковъ лишь въ томъ случаѣ получило бы доказательную силу, если бы было установлено, что меньшая на единицу территоріи затрата труда и капитала сопровождается худшею обработкой и болѣе низкими урожаями. Но и самъ г. Сухановъ не выдерживаетъ своей точки зрѣнія, и когда ему нужно доказать невозможность видѣть зародышъ истиннаго сельскохозяйственнаго капитализма въ „купеческомъ“ землевладѣніи, онъ преспокойно ссылается на меньшую насыщенность сельскохозяйственной площади трудомъ и капиталомъ (стр. 324).

Итакъ, односторонностью грѣшитъ и та, и другая сторона. Если, въ частности, остановиться на соображеніяхъ г. Суханова, то они имѣютъ несомнѣнное значеніе, какъ противовѣсъ увлеченіямъ и односторонностямъ защитниковъ мелкаго хозяйства. По существу, однако, точка зрѣнія г. Суханова едва ли пріемлема. Организація сельскаго хозяйства въ идеальномъ общественномъ строѣ—вопросъ, разрѣшеніе котораго лежитъ внѣ сферы научнаго предвидѣнія. Послѣднее невозможно здѣсь, между прочимъ, и потому, что мы совершенно не въ состояніи сказать, чего можно ожидать отъ пока еще только зачинающагося прогресса поставленной на научную основу сельскохозяйственной техники; мы не знаемъ, въ какомъ направленіи будетъ развиваться основанное на примѣненіи машинъ сельскохозяйственное производство, не охватитъ ли послѣднее и такія фазы сельскохозяйственнаго производства (напр., уходъ за растеніями), которыя въ настоящее время признаются недоступными для машины; мы не знаемъ, что̀ дастъ будущее, можетъ быть, уже близкое, въ области повышенія производительности земли,—и тѣмъ болѣе мы не можемъ знать, какія изъ грядущихъ завоеваній сельскохозяйственной тех-

ники будутъ требовать укрупненія и какія, напротивъ, измельчанія сельскохозяйственной организаціи. Если же отъ не поддающагося предвидѣнію будущаго обратиться къ современной дѣйствительности, то намъ придется считаться съ фактическою невозможностью абстрагировать, какъ то дѣлаетъ г. Сухановъ, отъ соціальной обстановки, вообще отъ всей той совокупности реальныхъ условій, къ которой, въ концѣ-концовъ, сводится реальная сущность вопроса о размѣрахъ хозяйства. Если же считаться съ этими условіями, то придется признать, что рѣшеніе вопроса о превосходствѣ крупнаго или мелкаго хозяйства не укладывается ни въ какую общую, единообразную формулу. Чтобы получить такую формулу, дѣйствительно, приходится такъ или иначе гнуть факты и логику въ пользу того или другого, напередъ заданнаго рѣшенія вопроса. При безпристрастномъ же изслѣдованіи едва ли можно прійти къ чему-либо другому, какъ къ тому, къ чему приходятъ нѣмецкіе „буржуазные“ аграрполитики: что и мелкое, и крупное хозяйство имѣетъ свои преимущества при опредѣленныхъ, измѣняющихся въ зависимости отъ условій мѣста и времени, комбинаціяхъ обстоятельствъ, при другихъ же комбинаціяхъ уступаетъ это преимущество другимъ формамъ [1]).

Какъ бы то ни было, при рѣшительномъ разногласіи въ оцѣнкѣ крупнаго хозяйства какъ абстрактной, технико-экономической категоріи, г. Сухановъ и К. Р. Качоровскій съ его сотрудниками совершенно сходятся въ томъ, что у насъ, въ Россіи, и сельскохозяйственный капитализмъ не имѣетъ будущности ни на почвѣ помѣстно-дворянскаго владѣнія, ни въ формѣ „купеческаго“ хозяйства. Остается послѣднее его прибѣжище—выкристаллизовывающаяся изъ крестьянской среды деревенская буржуазія. „Ясно,—говоритъ г. Сухановъ,—что вполнѣ достовѣрнымъ и безусловнымъ свидѣтельствомъ развитія земледѣльческаго

---

[1]) Не многимъ—на мой взглядъ—болѣе убѣдительны абстрактныя соображенія, приводимыя г. Огановскимъ во 2-мъ томѣ его монографіи, въ обоснованіе діаметрально противуположнаго тезиса. Вмѣстѣ съ г. Сухановымъ, г. Огановскій относитъ значительную часть дефектовъ *современнаго* крупнаго хозяйства на счетъ а) его капиталистическаго характера, и б) присущихъ ему феодальныхъ традицій. Но независимо отъ того и другого, есть недостатки, присущіе „вообще крупному хозяйству“ и неизбѣжно ведущіе къ его дробленію и побѣдѣ мелкихъ и среднихъ формъ: это именно растущія съ интенсификаціей и усложненіемъ хозяйства затрудненія, вытекающія, такъ сказать, изъ *протяженности* сельскохозяйственнаго производства („Законномѣрность“), II, стр. 576—581). Мнѣ кажется, почтенный авторъ смѣшиваетъ здѣсь двѣ вещи: вопросъ о крупномъ или мелкомъ *хозяйствѣ* и вопросъ о раціональной величинѣ *площади земли* соотвѣтствующей тому или другому типу хозяйства. Изъ соображеній г. Огановскаго слѣдуетъ, что площадь, положимъ, въ 10.000 дес., отнюдь не предѣльная для экстенсивнаго скотоводнаго хозяйства, немыслима при хозяйствѣ, напримѣръ, огородномъ; что хозяйство со 100 дес., карликовое въ первомъ случаѣ, будетъ колоссальнымъ во второмъ; но отнюдь не слѣдуетъ, чтобы огородное хозяйство въ 100 или 50 дес. уступало—съ точки зрѣнія вліянія протяженности—огородному же хозяйству въ 5, 3 или 1 дес.

капитализма можетъ послужить только возникновеніе и развитіе его въ сферѣ мелкаго крестьянскаго хозяйства“ (стр. 98—99). И въ силу этого „вопросъ объ эволюціи крестьянскаго хозяйства, а именно о соціальной сторонѣ его эволюціи, есть центръ общей аграрной проблемы“ (стр. 100).

Къ сожалѣнію, только у г. Суханова мы находимъ законченное монографическое изслѣдованіе вопроса о соціальной эволюціи русскаго крестьянскаго хозяйства,—г. Огановскій пока не пошелъ дальше общихъ соображеній и валовыхъ сопоставленій,—детальную разработку вопроса долженъ дать, повидимому, третій томъ его труда. Остановимся, поэтому, сначала на работѣ г. Суханова.

Какъ и въ принципіальномъ вопросѣ о значеніи крупнаго и мелкаго хозяйства, г. Сухановъ и въ данномъ случаѣ обставляетъ свое изслѣдованіе длиннымъ рядомъ частью правильныхъ, частью слишкомъ далеко идущихъ ограниченій и методологическихъ предпосылокъ. Г. Сухановъ, конечно, правъ, когда считаетъ, что эволюцію крестьянскаго хозяйства надо изучать „какъ вопросъ о томъ, овладѣваетъ ли капиталъ сельскохозяйственнымъ *производствомъ*“ (стр. 110),—каковы бы ни были побѣды капитала въ области *сбыта* продуктовъ, это еще не даетъ права заключать о вытѣсненіи мелкаго трудового крупно-капиталистическимъ хозяйствомъ (стр. 108). О наличности же капитализма въ крестьянскомъ земледѣльческомъ производствѣ можно говорить лишь при наличности трехъ признаковъ: „1) производства *товаровъ*, вынесенія продукта на рынокъ, 2) производства въ болѣе или менѣе крупныхъ размѣрахъ, и 3) эксплоатаціи наемнаго труда въ процессѣ сельскохозяйственнаго производства“. Первые два признака, конечно, необходимы, но рѣшающее значеніе принадлежитъ не имъ, а третьему признаку—эксплоатаціи наемнаго труда: „формы, размѣры и условія эксплоатаціи наемнаго труда въ крестьянскомъ земледѣліи пріобрѣтаютъ для насъ центральное значеніе въ нашемъ изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства“ (стр. 115—116). Во всемъ этомъ г. Сухановъ, повторяю, совершенно правъ. Не менѣе правы и г. Сухановъ, и г. Огановскій, когда они, слѣдуя за Н. Н. Черненковымъ, настаиваютъ на необходимости проводить строгое различіе между простою „подвижкою“ и дѣйствительною капиталистическою дифференціаціею (см. особенно у Огановскаго, „Закономѣрность“, стр. 102), между дифференціаціею и простымъ обнищаніемъ крестьянства. „*Подвижка*“—необходимый спутникъ общаго повышенія или пониженія уровня благосостоянія крестьянскихъ массъ, имѣетъ мѣсто тогда, когда усиленіе высшихъ слоевъ крестьянства сопровождается численнымъ сокращеніемъ низшихъ или наоборотъ; съ *дифференціаціею* приходится считаться только тогда, когда сокращаются средніе слои, а растутъ одновременно и сильные капиталистиче-

скіе элементы, и сельскохозяйственный пролетаріатъ или близкіе къ пролетаріату низшіе слои крестьянской массы. Едва ли, однако, правъ г. Сухановъ, когда настаиваетъ на томъ, что наличность хозяйствъ, положимъ, съ 20 лошадьми и съ 50 десятинами посѣва еще не доказываетъ „качественной“, капиталистической дифференціаціи. Конечно, такія хозяйства не будутъ капиталистическими, „если зажиточные крестьяне не эксплоатируютъ наемнаго труда“ (стр. 139). Но правдоподобно ли это „если“, разъ имѣть въ виду не единично встрѣчающіеся, можетъ быть, восьми- или десятирабочіе дворы, а *общій типъ* подобнаго рода хозяйствъ? Вѣдь недаромъ, напр., въ Саратовскомъ сводномъ статистическомъ сборникѣ (стр. 45—46), уже группа хозяйствъ, имѣющихъ болѣе 20 десятинъ надѣльной пашни, характеризуется какъ „категорія богатыхъ землевладѣльцевъ, ведущихъ хозяйство, при помощи наемнаго труда, съ торговыми цѣлями, для продажи хлѣба на рынкахъ“,—значитъ какъ хозяйства чисто капиталистическаго типа. Чисто діалектическое, а не реальное, значеніе имѣетъ и другое вводимое г. Сухановымъ ограниченіе: „Двусторонній процессъ дифференціаціи ни въ какой степени (sic!) не могъ бы свидѣтельствовать о развитіи капитализма въ крестьянскомъ земледѣліи, такъ какъ высшія группы крестьянства могутъ вести трудовое и даже потребительное хозяйство, а пролетаризація другой части крестьянъ можетъ означать просто исшествіе земледѣльцевъ изъ деревни, которое насъ вообще нисколько не интересуетъ“ (стр. 145). Въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ, можетъ быть, и мыслима такая неправдоподобная комбинація. Я спросилъ бы г. Суханова: знаетъ ли онъ такія мѣстности, гдѣ „исшествіе“ изъ деревни шло бы рядомъ съ образованіемъ слоя крупныхъ хозяевъ, ведущихъ чисто-трудовое хозяйство? Съ увѣренностью скажу, что *не* знаетъ. Но едва ли не хуже всего дѣло обстоитъ еще съ однимъ ограниченіемъ: какіе бы ни были налицо изъ признаковъ капиталистическаго развитія,—г. Сухановъ не видитъ проявленія капитализма въ земледѣліи, „пока не будетъ выяснено, что *именно земледѣліе* (курсивъ мой А. К.) служитъ источникомъ предпринимательской прибыли“ (стр. 151),—а потому „достовѣрнымъ признакомъ и чистымъ проявленіемъ“ капитализма г. Сухановъ соглашается считать „только наличность его элементовъ въ сферѣ чистаго земледѣлія“ (стр. 154). Почему это такъ? Потому, что „при соединеніи земледѣлія съ промыслами, земледѣльческая часть предпріятія можетъ держаться за счетъ доходовъ отъ промысла или можетъ держаться *при* промыслѣ, при содѣйствіи удѣляемой имъ рабочей силы, и только при такихъ условіяхъ сохранять внѣшніе признаки капиталистическаго предпріятія“. Если, напр., хозяинъ, ведущій батрацкое хозяйство, занимается при этомъ скупкой хлѣба, то „прибыль онъ можетъ получать въ качествѣ представителя торговаго капитала, а собственное

земледѣліе можетъ быть для него только суррогатомъ скупки хлѣба или дополненіемъ ея"; если онъ параллельно съ земледѣліемъ занимается извозомъ, то „сельское хозяйство играетъ роль особаго вида „издержекъ производства" въ промыслѣ" (стр. 152—153). Еще двѣ, три подобныя оговорки,—и капитализма вообще не окажется во вселенной... Да ужъ и этихъ оговорокъ болѣе чѣмъ достаточно, потому что, принимая устанавливаемыя г. Сухановымъ ограничительныя условія, мы не найдемъ земледѣльческаго капитализма и въ многотысячномъ имѣніи, если оно обслуживаетъ сахарный заводъ, потому что вѣдь и здѣсь сельское хозяйство играетъ роль „особаго вида издержекъ производства" въ сахароваренномъ промыслѣ... Къ счастью, изложенныя оговорки мало отразились на статистическомъ анализѣ г. Суханова,—если бы онъ имѣлъ случай быть болѣе послѣдовательнымъ, это, пожалуй, обезцѣнило бы всю его работу.

Къ величайшему моему сожалѣнію, и безъ того значительно разросшіеся размѣры моей статьи не позволяютъ мнѣ послѣдовать за г. Сухановымъ въ его интереснѣйшемъ статистическомъ анализѣ. Послѣдній состоитъ изъ двухъ частей: одной, большей по объему, въ которой изучаются данныя, касающіяся статики крестьянскаго хозяйства,—иначе сказать анализируется соціальная структура крестьянства различныхъ мѣстностей Россіи въ состояніи покоя, какъ она рисуется по даннымъ основныхъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій. Другая посвящена динамикѣ—здѣсь, по даннымъ повторныхъ изслѣдованій, прослѣживаются тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ этой структурѣ. Къ сожалѣнію, въ этой второй части г. Сухановъ имѣлъ возможность проанализировать всего нѣсколько губерній,—незначительную часть даже того не очень большого числа губерній, для которыхъ имѣются повторныя изслѣдованія; по большинству губерній такой сравнительный анализъ оказался неосуществимымъ благодаря неоднородности программъ первыхъ и повторныхъ изслѣдованій и проистекающей отсюда несравнимости результатовъ.

Повторяю: „динамическое" изслѣдованіе—изслѣдованіе измѣненій соціальной структуры—г. Сухановъ имѣлъ возможность произвести лишь по немногимъ, именно по тремъ губерніямъ: Самарской, Воронежской и Смоленской. И результаты этого изслѣдованія оказались не въ пользу ортодоксально-марксистскаго представленія относительно быстро прогрессирующаго разслоенія деревни на капиталистическіе элементы, съ одной стороны, и сельскій пролетаріатъ—съ другой. Для Самарской губерніи констатируется простая „подвижка внизъ"—„всеобщее сползаніе къ полюсу однолошадности и безлошадности", сопровождаемое разложеніемъ высшихъ группъ и измельчаніемъ ихъ хозяйства. Высшія по количеству рабочаго скота группы, въ 1888 году составлявшія 22,2, 6,3 и 1,0%,

въ 1898 году составляютъ уже всего только 12,9, 3,5 и 0,4%, процентъ безлошадныхъ и однолошадныхъ съ 10,7 и 18,8 поднимается до 14,2 и 26,7% (стр. 299). Въ Воронежской губерніи за 15 лѣтъ процентъ многолошадныхъ дворовъ опустился съ 12,0 и 6,8 до 9,8 и 4,6%, процентъ дворовъ въ двухъ высшихъ посѣвныхъ группахъ—съ 17,1 и 3,6 до 14,7 и 2,4%. Значитъ, та же „подвижка внизъ"—„многопосѣвныя группы разрушались и здѣсь тѣмъ быстрѣе, чѣмъ были крупнѣе хозяйства" (стр. 306). Нѣсколько менѣе отчетливо обозначился характеръ эволюціи въ Смоленской губерніи—г. Сухановъ, послѣ ряда поправокъ къ цифрамъ, примѣнительно къ изложеннымъ выше методологическимъ принципамъ, опредѣленно заключаетъ о пониженіи процента хозяйствъ, содержащихъ элементы капиталистическаго земледѣлія (стр. 316). Законность нѣкоторыхъ изъ этихъ поправокъ для меня по меньшей мѣрѣ сомнительна—сомнителенъ поэтому и выводъ. Но несомнѣнно одно: сколько-нибудь замѣтно прогрессирующей капиталистической дифференціаціи нѣтъ и здѣсь.

Много обильнѣе матеріалъ, использованный г. Сухановымъ для изученія статики крестьянскаго хозяйства; матеріалъ этотъ охватываетъ длинный рядъ губерній и уѣздовъ, разбросанныхъ по всему пространству Европейской Россіи. И анализъ этого матеріала даетъ чрезвычайно пеструю картину. Мы встрѣчаемъ такія мѣстности, вродѣ, напр., Вологодской и Ярославской губерній, гдѣ „качественнаго разложенія крестьянства на почвѣ земледѣльческаго производства вовсе не существуетъ, т.-е. не существуетъ и крестьянскаго земледѣльческаго капитализма", и гдѣ „понятіе трудовое хозяйство приложимо, за ничтожными исключеніями, ко всей массѣ крестьянскихъ земледѣльческихъ хозяйствъ" (стр. 215); и такія, какъ Калужская, гдѣ усматривается „очень тонкій слой крестьянскихъ хозяйствъ, носящихъ признаки зачаточныхъ формъ крестьянскаго капитализма" (стр. 243); и такія, какъ Самарская или Таврическая, гдѣ приходится констатировать рѣзко выраженную дифференцированность—„крестьянство качественно разслоено; мы видимъ два его полюса, образовавшіеся на почвѣ земледѣльческаго производства", и г. Суханову только приходится утѣшаться тѣмъ, что „середина"—средне состоятельные дворы, одинаково далекіе и отъ капиталистическаго, и отъ пролетарскаго типа,—еще далеко не „вымыта" (стр. 268); встрѣчаемъ и разнообразнѣйшія переходныя ступени между только что перечисленными немногими основными типами. Читатель, который обратится къ самой работѣ г. Суханова, найдетъ въ ней рядъ образцовъ детальнаго и тонкаго статистическаго анализа,—но найдетъ, на-ряду съ этимъ, и не мало поводовъ для критики, на которыхъ я опять-таки, по недостатку мѣста, лишенъ возможности остановиться.

Перейду теперь къ конечнымъ выводамъ, къ какимъ приводитъ

г. Суханова его статистическій анализъ. Эти конечные выводы сгруппированы въ небольшой табличкѣ, которую я, въ виду ея изъ ряда вонъ выходящей наглядности, позволяю себѣ воспроизвести такъ, какъ она дана въ работѣ г. Суханова (стр. 344). Вотъ эта табличка.

Губерніи.	% хозяйствъ засѣвающихъ.								% промышленниковъ обоего пола.
	Свыше 6 дес.	Свыше 9 дес.	Свыше 12 дес.	Свыше 15 дес.	Свыше 20 дес.	Свыше 25 дес.	Свыше 40 дес.	Свыше 50 дес.	
Таврическая (7 уѣз.) . .	65,6	54,9	46,4	41,4	27,2	18,3	8,7	3,7	2,3
Самарская (1 „) . .	49,6	34,9	24,5	17,8	10,9	6,8	2,2	—	8,6
Харьковская (1 „) .	45,5	25,0	15,2	7,6	4,1	1,3	—	—	13,7
Пермская (2 „) . .	49,0	14,6	2,7	1,8	1,0	—	—	—	19,9
Воронежская (5 „) . .	37,8	20,3	12,2	6,5	2,2	—	—	—	29,0
Орловская (2 „) . .	36,5	18,5	9,4	4,7	1,3	—	—	—	30,5
Вятская (8 „) . .	48,7	17,2	7,1	2,6	—	—	—	—	33,9
Калужская (4 „) . .	26,1	9,1	3,5	—	—	—	—	—	35,0
Смоленская (1 „) . .	22,8	6,7	2,0	—	—	—	—	—	37,2
Ярославская (5 „) . .	3,3	0,6	—	—	—	—	—	—	46,9
Вологодская (1 „) . .	1,4	—	—	—	—	—	—	—	53,1
Владимірская (2 „) . .	7,1	1,1	—	—	—	—	—	—	68,7

Получается полная и совершенная правильность: развитіе земледѣльческаго капитализма, несомнѣннымъ симптомомъ котораго являются крупныя запашки, оказывается въ рѣзко выраженной обратной зависимости съ процентомъ промышленниковъ; земледѣльческій капитализмъ достигаетъ значительнаго развитія только тамъ, гдѣ промыслы отсутствуютъ или находятся на низкой степени развитія; въ мѣстностяхъ же съ развитыми промыслами земледѣльческаго капитализма нѣтъ. Такое совпаденіе цифръ, конечно, не можетъ быть случайнымъ (стр. 352), и значитъ въ развитіи промысловъ приходится искать условіе, препятствующее развитію крестьянскаго капитализма. Объясненіе—въ той теоріи „вопроса о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“, которая еще въ началѣ 80-хъ гг. была отчетливо формулирована въ русской экономической литературѣ Н. А. Каблуковымъ: „сущность конфликта между современнымъ экономическимъ прогрессомъ и земледѣльческимъ капитализмомъ заключается въ томъ, что развитіе производительныхъ силъ, связанное съ развитіемъ индустріальнаго капитализма, отнимаетъ у сельскаго хозяйства наемныхъ рабочихъ, сокращаетъ контингентъ лицъ, готовыхъ продавать свою рабочую силу сельскохозяйственнымъ предпринимателямъ“ (стр. 373). А разъ это такъ, то антагонизмъ между промыслами и деревенскимъ капитализмомъ даетъ право на отрицательное заключеніе относительно будущности сельскохозяйственнаго капитализма. Бу-

дущее несомнѣнно связано съ развитіемъ индустріи. И потому, „доказавъ, что земледѣльческій капитализмъ разлагается именно въ тѣхъ условіяхъ, которымъ принадлежитъ будущее, мы можемъ утверждать, что производственный капитализмъ никогда не охватитъ земледѣлія, никогда не разложитъ крестьянскаго хозяйства“ (стр. 404).

Я не послѣдую за г. Сухановымъ на скользкій путь соціальныхъ предсказаній. Я и самъ думаю, что капитализмъ не имѣетъ будущности въ сельскомъ хозяйствѣ. Но это нимало не мѣшаетъ мнѣ сильно сомнѣваться въ законности обобщающаго построенія г. Суханова. Деревенскій капитализмъ—это ясно видно изъ таблички—стоитъ въ обратной зависимости отъ развитія „промысловъ“. Но можно ли въ развитіи *„промысловъ“* видѣть синонимъ развитія *промышленности?* Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ у самого г. Суханова: „подъ промышленникомъ,—говоритъ онъ,—въ нашей статистикѣ разумѣется и сельскохозяйственный, и строительный, и промышленный рабочій, и ремесленникъ, и кустарь, и приказчикъ, и жандармъ, и трактирщикъ, и фабрикантъ, и т. д.; при такихъ условіяхъ одинъ и тотъ-же *процентъ промышленниковъ въ разныхъ мѣстностяхъ вовсе не характеризуетъ въ нихъ общности соціально-экономическихъ отношеній*“ (стр. 348). Какой бы то ни было высокій процентъ „промышленниковъ“, въ которомъ—увы, это одинъ изъ самыхъ большихъ грѣховъ нашей земской статистики!—въ одну безразличную массу сливается земледѣльческій поденщикъ и кустарь, жандармъ и фабричный рабочій, самъ по себѣ ни въ малѣйшей степени не можетъ говорить о развитіи промышленности и промышленнаго капитализма. Единственное, что до извѣстной степени объединяетъ эти пестрыя толпы людей разнороднѣйшихъ профессій и разнороднѣйшаго соціальнаго положенія, которые, по прискорбному статистическому недоразумѣнію, подводятся подъ общее наименованіе „промышленниковъ“,—это то, что всѣ они ищутъ заработка внѣ своего земледѣльческаго хозяйства; но не только земледѣльческіе рабочіе, а и всякаго рода кустари и ремесленники, костромскіе плотники и ярославскіе трактирные „шестерки“—все это не имѣетъ никакого отношенія къ промышленному капитализму. Единственное, что въ дѣйствительности говоритъ таблица г. Суханова,—это, что развитіе деревенскаго капитализма стоитъ въ обратномъ отношеніи къ относительной численности той доли населенія, которая ищетъ заработка внѣ своего земледѣльческаго хозяйства. Видѣть въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ *причину,* препятствующую развитію сельскаго капитализма, было бы, конечно, странно. Но вѣдь антагонизмъ двухъ статистическихъ рядовъ можетъ доказывать не только, что въ одномъ изъ явленій слѣдуетъ видѣть причину, препятствующую развитію другого, но и совсѣмъ другое—именно, что *оба* сравниваемыя явленія стоятъ одно въ прямой, другое въ обратной зависимости отъ *нѣкоторой*

общей причины. Въ данномъ случаѣ выводъ будетъ таковъ: тѣ самыя обстоятельства, которыя заставляютъ крестьянскую массу искать заработковъ внѣ своего земледѣльческаго хозяйства, препятствуютъ развитію или даже способствуютъ разложенію земледѣльческаго капитализма.

Какія же это обстоятельства? На этотъ вопросъ, до извѣстной степени, отвѣчаетъ схема г. Огановскаго.

Я не буду останавливаться здѣсь—опять-таки за недостаткомъ мѣста—на тѣхъ частью фактически обоснованныхъ, частью гадательныхъ соображеніяхъ, при помощи которыхъ г. Огановскій старается доказать, что разслоеніе въ нашей деревнѣ отнюдь не зашло такъ далеко, какъ думалъ Вл. Ильинъ. Послѣ того, какъ Масловъ занялъ въ этомъ вопросѣ діаметрально противоположную позицію, подсчеты г. Огановскаго утрачиваютъ значительную долю своего интереса. Больше разслоеніе или меньше,—разслоеніе несомнѣнно существуетъ, въ русской деревнѣ несомнѣнно есть и зажиточные элементы, ведущіе хозяйство капиталистическаго типа; есть и элементы, болѣе или менѣе близкіе къ типу сельскаго пролетаріата. Но позволительно ли отъ несомнѣннаго факта разслоенія, *дифференцированности* заключать о прогрессирующей *дифференціаціи*, какъ одной изъ основныхъ тенденцій экономическаго развитія Россіи? Вотъ коренной вопросъ, на который г. Огановскій даетъ категорически отрицательный отвѣтъ. Разслоеніе появилось не въ настоящее время; оно наблюдалось всегда, во всѣ историческія эпохи,—и не только междусословное разслоеніе, имѣющее ясную политическую подкладку, но и внутрисословное,—разслоеніе въ средѣ самого трудового земледѣльческаго населенія. Такое разслоеніе мы наблюдаемъ и въ Западной Европѣ, наблюдаемъ и у насъ въ Россіи, наблюдаемъ между прочимъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, колонизація которыхъ носила чисто трудовой, крестьянскій характеръ („Законъ.“, стр. 233—234 и др.). Съ тѣмъ же самымъ явленіемъ мы встрѣчаемся, когда отъ ретроспективныхъ историческихъ данныхъ обращаемся къ „живой исторіи“—къ сравнительному изученію соціальной структуры въ разныхъ мѣстностяхъ, различающихся между собой по условіямъ населенности, землепользованія и хозяйства. Въ своей монографіи, напечатанной въ сборникѣ „Борьба за землю“, г. Огановскій приводитъ рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о рѣзкомъ разслоеніи какъ среди кочевниковъ, такъ и среди русскаго крестьянства Сибири,—разслоеніи, несравненно болѣе рѣзкомъ, нежели на большей части территоріи Европейской Россіи. „Эти таблицы,—заключаетъ г. Огановскій на своемъ—позволю себѣ такъ выразиться—полемическомъ жаргонѣ,—охватывающія большинство рѣдко населенныхъ малокультурныхъ окраинъ Россіи, показываютъ, что „капиталистическая дифференціація“, изгнанная изъ предѣловъ европейской Россіи, именно

тамъ обрѣла послѣднее убѣжище: тамъ именно оказываются относительно широкими нижніе и особенно большими верхніе слои; у киргизъ въ рукахъ $^1/_{30}$—$^1/_{10}$ дворовъ сосредоточено до половины скота; самый главный признакъ „пролетаризаціи“ „капитализаціи“—наемный трудъ—расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ въ безконечныхъ азіатскихъ степяхъ и лѣсахъ Сибири“ („Борьба“, стр. 124). А на наиболѣе культурной окраинѣ имперіи, въ царствѣ Польскомъ, разслоеніе оказывается минимальнымъ: „преобладающее значеніе имѣютъ средніе слои; и чѣмъ дальше растетъ техническое и культурное развитіе польскаго крестьянства, тѣмъ болѣе внутри его крѣпнетъ сила и значеніе этихъ слоевъ“ (стр. 124—125). Значитъ, капиталистическое разслоеніе—отнюдь не спутникъ развитія производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ это представляетъ себѣ П. П. Масловъ. Источникъ наблюдаемаго на нашихъ окраинахъ рѣзкаго разслоенія—въ многоземельѣ и въ сопровождающемъ послѣднее захватномъ пользованіи угодьями. Въ этомъ отношеніи эволюція проходитъ два послѣдовательныхъ фазиса. Сначала „пространственнаго ограниченія“ не чувствуется совсѣмъ: „благодаря безграничности пространства каждое хозяйство можетъ развиваться, не задѣвая другихъ; между хозяйствами не возникаетъ еще борьбы за землю; а такъ какъ борьбы нѣтъ, то нѣтъ собственно и двусторонней имущественной дифференціаціи, а есть односторонняя подвижка вверхъ“, не процессъ „пролетаризаціи“ и „капитализаціи“, а только „захватъ болѣе приспособленными хозяйствами въ пустѣ лежащихъ средствъ для существованія—даровыхъ благъ природы“ („Закон.“, 327 стр.). Нѣсколько иначе складываются отношенія въ нѣсколько болѣе позднемъ фазисѣ,—когда „утѣсненіе“ начинаетъ чувствоваться, но еще съ недостаточною силою для того, чтобы привести къ паденію захватныхъ формъ: при такомъ положеніи дѣла „съ одной стороны, болѣе состоятельные получаютъ возможность путемъ захвата быстро накоплять капиталы, съ другой—вновь образовавшіеся дворы уже не находятъ того земельнаго простора, который былъ раньше, и превращаются въ разрядъ безлошадныхъ“ („Борьба“, 126 стр.). Въ этомъ фазисѣ, значитъ, наблюдается уже не простая „подвижка вверхъ“, а дѣйствительная дифференціація,—наблюдается однако не какъ продуктъ какихъ-либо капиталистическихъ тенденцій, а просто какъ результатъ начавшаго обнаруживаться несоотвѣтствія между захватными формами пользованія и наличною степенью земельнаго простора, при данныхъ обстоятельствахъ превращающагося въ „утѣсненіе“. Однако, уже на многоземельныхъ окраинахъ, даже въ районахъ кочевого или полукочевого хозяйства, начинаетъ обозначаться обратный процессъ нивелировки, сопутствующій повышенію цѣнности земли: г. Огановскій ссылается на данныя повторнаго изслѣдованія одной мѣстности Кустанайскаго уѣзда (131 стр.),—отъ себя могу добавить, что тотъ же процессъ нивели-

ровки, въ частности поднятія низшихъ группъ, представляетъ собою общее явленіе у кочевниковъ, по мѣрѣ развитія у нихъ земледѣлія, и что тотъ же процессъ наблюдается у сибирскихъ крестьянъ, въ прямой связи съ переходомъ отъ захватныхъ къ душевымъ формамъ пользованія. Въ предѣлахъ Европейской Россіи, какъ было уже замѣчено, дифференцированность, въ общемъ, значительно меньше, болѣе значительное разслоеніе наблюдается только въ Новороссіи и Заволжьѣ,—вообще на многоземельныхъ окраинахъ, гдѣ еще не исчезли слѣды былого многоземелья и сопровождавшаго его захвата. Въ центральной Россіи мы наблюдаемъ уже не столько дифференціацію, сколько простую подвижку внизъ, которая рѣзко усиливается подъ непосредственнымъ вліяніемъ неурожайныхъ годовъ („Закон.“, 102 — 103 стр.). Если припомнить сказанное выше относительно ясно выраженнаго преобладанія среднихъ слоевъ въ Царствѣ Польскомъ, то получается правильная лѣстница: дифференціація, чрезвычайно сильная при многоземельѣ съ сопровождающими его захватомъ и экстенсивными формами хозяйства, постепенно уменьшается по мѣрѣ сокращенія земельнаго простора, повышенія цѣнности земли и интенсификаціи хозяйства; происходитъ нивелировка, частью планомѣрная, путемъ примѣненія уравнительныхъ пріемовъ землепользованія, частью стихійная, путемъ экономическаго отвоеванія земли средними группами у верхнихъ и постепеннаго же поднятія низшихъ группъ. Дифференціація, которая у теоретиковъ-марксистовъ представляетъ собою явленіе прогрессирующее, необходимаго спутника земледѣльческаго прогресса, въ схемѣ г. Огановскаго является остаткомъ отъ временъ первобытнаго захвата, постепенно отмирающимъ и уступающимъ мѣсто болѣе равномѣрному распредѣленію факторовъ земледѣльческаго производства. Схема эта остается пока у г. Огановскаго именно схемой, только намѣченной, но почти не разработанной,—и только во 2-мъ томѣ своей закономѣрности г. Огановскій пытается поставить ее въ связь съ общею эволюціей земледѣлія,—той самою, которая имѣетъ такое роковое значеніе для владѣльческаго, въ частности—капиталистическаго хозяйства: вызываемая уплотненіемъ населенія интенсификація, увеличивая отрицательное значеніе *пространства*, требуетъ измельченія той трудовой единицы, какою является крестьянская семья, а слѣдовательно и раздробленія крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ („Закон.“ II, стр. 593). Обстоятельный разборъ этой схемы былъ бы пока поэтому преждевременнымъ. Позволю себѣ только замѣтить, что, поскольку рѣчь идетъ о сравненіи современной, наблюдаемой у насъ, стадіи экономическаго и соціальнаго развитія съ болѣе ранними, какія можно изучать исторически и воочію наблюдать на нашихъ многоземельныхъ окраинахъ, схема эта вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ личнымъ представленіямъ о характерѣ этой „живой исторіи“.

На этомъ я заканчиваю обзоръ изслѣдованій и теоретическихъ исканій современнаго народничества въ области аграрнаго вопроса, поскольку таковыя выразились въ серіи разобранныхъ мною единоличныхъ и коллективныхъ трудовъ. Закончу выраженіемъ пожеланія, чтобы работа на этомъ не остановилась. Можно надѣяться, что дальнѣйшая теоретическая и фактическая разработка нашего аграрнаго вопроса сгладитъ слишкомъ рѣзкія противорѣчія во взглядахъ изслѣдователей и теоретиковъ народническаго направленія и ихъ противниковъ изъ марксистскаго лагеря. И во всякомъ случаѣ детальная разработка фактовъ останется такимъ κτῆμα εἰς ἀεί, которое составитъ неувядаемую заслугу этой группы изслѣдователей.

А. Кауфманъ.